

Услышав слова Чжоу Цзылана, Чэнь Ецин побледнел. В панике он вытолкнул вперед своих приспешников и поспешил откреститься от происходящего:

— Бессмертный господин, вы не так поняли! Это всё они, они сами настойчиво пытались задирать Шан Сюаня, а я лишь хотел их остановить!

Двое приспешников: «...» Да ты хоть сам слышишь, что несешь?

Однако под грозным взглядом Чэнь Ецина им пришлось проглотить возмущение и, понутив головы, встать на колени, чтобы взять вину на себя:

— Просим прощения, бессмертный господин. Мы лишь хотели уладить небольшое недопонимание с Шан Сюанем, у нас и в мыслях не было проявлять к вам неуважение.

Даже несмотря на это, Чэнь Ецин со страхом поглядывал на Чжоу Цзылана, словно фанат, встретивший своего кумира и до смерти боящийся произвести на него дурное впечатление.

Сам же кумир, Чжоу Цзылан, отчитав троицу, незаметно бросил взгляд на Шан Сюаня. Тот стоял неподвижно, с каким-то отупевшим, почти глуповатым видом, и Чжоу Цзылан невольно нахмурился. Неужели парень настолько тугодум, что до сих пор не пришел в себя?

Размышляя так, Чжоу Цзылан помолчал немного, а затем снова ледяным тоном отчитал обидчиков:

— Решили кулаками разобраться в пустяковом конфликте? Если бы я не вмешался, вы что, до смерти собирались забить моего ученика?

От такого обвинения приспешники перепугались не на шутку и принялись отчаянно мотать головами:

— Нет, бессмертный господин, мы вовсе не это имели в виду!

— Просим, будьте милосердны! Мы... мы просто хотели его припугнуть, по-настоящему бить не собирались!

Даже Чэнь Ецин похолодел от ужаса, опасаясь, что поделники его выдадут. К счастью, те, несмотря на страх, удержали язык за зубами. Чэнь Ецин облегченно выдохнул, стиснул зубы и, подойдя к Чжоу Цзылану, опустил глаза, скрывая волнение и предвкушение:

— Бессмертный господин, это мы проявили дерзость и потревожили ваш покой. Позвольте мне остаться на горе Чунмин, чтобы убираться и прислуживать вам — так я смогу хоть немного искупить свою вину.

Приспешники в душе взвыли: «Вот же подлец! Хочешь искупить вину — так искупай, зачем же так откровенно себя награждать?!»

С тех пор как Чэнь Ецин прибыл в секту, он никогда не скрывал своего благоговения перед бессмертным господином Лан Юэ, об этом знала вся секта. Даже когда Лан Юэ взял ученика, Чэнь Ецин не сдался, открыто заявляя, что однажды вытеснит Шан Сюаня и станет единственным любимцем наставника. Поэтому остаться на горе Чунмин было для него не наказанием, а высшей наградой! Бесстыдство!

Впрочем, останется он или нет — большой вопрос. Бессмертный Лан Юэ терпеть не мог, когда кто-то крутился у него перед глазами. Если не было официальных мероприятий, требующих присутствия главы секты, он и шагу не ступал за порог своей бамбуковой хижины.

А сам виновник — или, скорее, косвенный участник событий — Чжоу Цзылан, сейчас был слишком занят мыслями о своем ученике, чтобы вникать в хитросплетения интриг этих юнцов. Он то и дело украдкой поглядывал на Шан Сюаня. Тот стоял, опустив голову, и невозможно было понять, о чем он думает. Чжоу Цзылан снова нахмурился. Парень ведь должен был понять его намек? Тот огонек, что он выпустил, был вовсе не для того, чтобы навредить, а чтобы защитить Шан Сюаня. Никакого иного подтекста!

Чжоу Цзылан, чувствующий себя виноватым, не знал, что и думать. Болтовня Чэнь Ецина начинала его раздражать, и он уже хотел прогнать наглеца, как вдруг его осенило. Раз уж Чэнь Ецин так ненавидит Шан Сюаня, то, если позволить ему остаться на горе Чунмин, можно создать больше возможностей для того, чтобы подставить его самого? А когда всё вскроется, свалить вину на Чэнь Ецина — план беспроегрешный!

Пока все ожидали, что Чжоу Цзылан откажет и, скорее всего, еще и отчитает наглеца, он отрезал:

— Раз так, наказываю тебя месяцем уборки. Оповести своего наставника. Если в этот период вновь возникнут беспорядки, я больше не буду проявлять снисходительность!

Все замерли в изумлении. Чэнь Ецин просиял и выпалил:

— Спасибо, наставник!

Осекшись, он понял, что оговорился, но Чжоу Цзылан не стал его поправлять. Он повернулся к Шан Сюаню и небрежно бросил:

— Шан Сюань, иди за мной.

Затем он посмотрел на сгусток синего пламени, на мгновение помедлил и поманил его пальцем. Огонь оторвался от земли, уменьшился и полетел к нему, превратившись в крошечный оранжевый язычок размером с мизинец — совершенно обычный с виду. Лишь перед тем, как Чжоу Цзылан погасил его, пламя на секунду нежно коснулось его подушечки пальца, словно не желая расставаться, но этого никто не заметил.

Чжоу Цзылан внутренне выдохнул, сохраняя невозмутимое лицо, и вернулся в хижину. Шан Сюань, молчаливо следовавший за ним, лишь на мгновение задержался, его темные глаза оставались непроницаемыми.

Проходя мимо Чэнь Ецина, он услышал его приглушенный, полный ярости шепот:

— Жди, я еще покажу тебе! За этот месяц я сделаю всё, чтобы наставник вышвырнул тебя с горы Чунмин!

Шан Сюань остановился. Опустив взгляд, он безразлично посмотрел на Чэнь Ецина. Наверное, решив, что этот человек жужжит над ухом, как назойливая муха, Шан Сюань слегка усмехнулся — в его улыбке сквозила уверенная невозмутимость:

— В прошлой жизни или в этой, Лан Юэ — мой наставник. И кроме меня, учеников у него не будет. Даже если бы меня не существовало, он все равно не принял бы тебя.

Он сказал правду. И тогда, и сейчас Лан Юэ нужны были лишь духовные корни, а не человек. Даже не пояись Шан Сюань, Чэнь Ецин, как бы ни старался, не стал бы его учеником. Шан Сюань сказал это, чтобы осадить Чэнь Ецина, чтобы тот перестал мельтешить перед глазами со своими несбыточными мечтами. Если бы не его нынешняя низкая ступень совершенствования после перерождения, он бы уже давно придушил его, чтобы не было проблем в будущем.

Но Чэнь Ецин не понял смысла слов Шан Сюаня, решив, что тот объявил ему войну. Он злобно сжал кулаки и прошипел:

— Не тебе решать, примет он меня или нет! Еще посмотрим!

Шан Сюань: «...»

Да, это всё тот же Чэнь Ецин: силы много, а ума нет. В прошлой жизни пытаться его было скучно, поэтому Шан Сюань выбрал самую жестокую казнь — заставил смотреть, как его кумира превращают в человеческий обрубок, пока он, рыдая, умолял о пощаде. Нет ничего более разрушительного для Чэнь Ецина, чем видеть своего идола, низвергнутого в грязь. Чэнь Ецин не разочаровал его: он обезумел и сам бросился с ножом на Лан Юэ. К сожалению, Шан Сюань остановил его, и Чэнь Ецин, не выдержав реальности, покончил с собой.

Шан Сюань не хотел тратить время на пустые разговоры и, не оглядываясь, зашагал дальше. Чэнь Ецин вслед за ним сделал угрожающий жест, а затем спросил своих приспешников:

— Скажите, кто из нас больше подходит на роль ученика бессмертного Лан Юэ?

Приспешники, не задумываясь, принялись льстить:

— Разве это вопрос? Спроси любого на улице, все назовут имя молодого господина Чэня!

— Среди новых учеников вы самый талантливый, никто, кроме вас, не достоин быть рядом с бессмертным господином!

Выслушав похвалу, Чэнь Ецин повеселел. Он задрал подбородок и гордо махнул рукой:

— Ладно, хватит, а то еще услышат, как вы кричите о моей славе! Идите, соберите мои вещи,

заодно передайте наставнику, что этот месяц я буду жить на горе Чунмин.

Конечно, самое важное было то, что он случайно назвал его наставником, а Чжоу Цзылан не стал его поправлять или возражать. Кто знает, может, в глубине души бессмертный господин Лан Юэ уже признал его? Чэнь Ецин невольно замечтался. Он всё больше укреплялся в мысли, что Шан Сюань — лишь помеха, и его нужно выгнать из секты, чтобы спасти наставника из «огня и воды», а затем стать единственным, кого тот будет лелеять и баловать!

От одной этой мысли сердце Чэнь Ецина забилося чаще, лицо залилось румянцем, и он нервно сжал край своей одежды.

<http://bllate.org/book/18914/1849448>